

С. З. Гончаров,
Н. И. Десятник (студ.)

О "ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ" Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

"Легенда о Великом Инквизиторе" - самое глубокое по предвидению творение русской православной философии XIX в. Она обнажает те предельные глубины, те самые сокровенные тайны человеческого бытия, которые доступны любящему сердцу, вдохновленному православной верой. Научное мышление само по себе не способно постичь таких глубин.

Напомним содержание "Легенды". Христос Спаситель появляется в городе Севилье. Это XVI в., период господства испанской инквизиции. Спаситель творит чудеса исцеления. Народ приветствует его в трепетном ликовании. Инквизитор велит страже заточить Христа в тюрьму, а ночью он навещает Спасителя в заточении и обращается к нему с речью. Эта речь составляет главное содержание "Легенды".

Инквизитор излагает свою программу спасения людей на основе советов дьявола, который искушал Христа в пустыне. Его речь - это монолог антихриста против Христа.

Инквизитор обвиняет Христа в том, что он слишком высоко вознес людей. Люди же - слабые существа. Христос не любил человека, так как предложил ему непосильную ношу. Настоящая любовь считается со слабостями людей. Их можно сделать счастливыми, если воспользоваться могуществом земного хлеба и воздействовать на души людей посредством чуда, тайны и авторитета. Власть же подлинная должна быть в руках узкого круга посвященных. Только таким путем можно вести послушных сытых людей к счастью. И только при таких условиях земного благополучия люди преклоняются пред Богом. Ответственность же за обман людей берут на себя посвященные ради конечной цели - спасения человечества.

Основная мысль Инквизитора есть идея земного рая. Спасение означает, по Инквизитору, избавление людей от свободы, от бремени самостоятельного выбора и решения, от личной ответственности за свободно сделанный выбор, от мук совести, от сомнений и исканий, от трагизма и борьбы в жизни. Спасение означает погружение сознания человека в наивное, простодушное младенческое душевное состояние, которое находится "по ту сторону добра и зла".

Но сердце человеческое есть арена борьбы Бога с дьяволом, добра со злом. В этой борьбе человек духовно вырастает, обретает самостоятельность в свободе, способность самоопределяться в самых главных духовно-нравственных вопросах.

Идея земного рая греховна по самой ее сути. Она исходит не только из сознательного обмана, но и из глубочайшего презрения к человеку: человек есть вожделеющее существо, для него "материальное первично"; надо накормить его хлебом телесным, и он успокоится. Идея земного рая – это духовная ампутация человека. Она таит в себе абсолютное зло – погасить в человеке его абсолютное начало, образ и подобие Божие!

Инквизитор использует три искушения дьявола.

Первое – преврати камни в хлебы, а лишь потом говори о нравственности; обустрой сперва внешнюю жизнь, а потом говори о спасении души. Этот совет дьявола материалисты возвели в теорию: в жизни человеческой материальное первично, а духовное вторично. Материализм отрицает религию, соединяющую человека с Богом, и предлагает религию "земного хлеба" и "земного рая". Именно эта примитивная "религия" составляет тайну социализма. Социалисты, отмечал Ф.М. Достоевский, хотят переделать человека. Они полагают, что достигнут цели, если насильно переделают его экономический быт. Но человек изменился не от внешних причин, а от перемены нравственной.

Второе искушение – осчастливить людей путем чуда, тайны и авторитета. Великий Инквизитор подменяет свободную веру авторитетом. Он хочет вызвать в душах людей веру искусственно – гипнозом тайны, необычностью чуда. Но человек, как показывает история, стремится не к чуду, а к истине. Ради нее он даже идет на верную смерть. Христос Спаситель побуждал людей к свободной вере и к свободной любви. Он не вызывал веру чудесами. Чудо должно быть от веры, а не наоборот. Второе искушение направлено против свободно-го выбора человека.

Третье искушение – искушение властью, царством земным над людьми, мечом Кесаря, империализмом, человековластием. На него соблазнилось католичество с ее папоцентризмом, культом церковной иерархии. Христос отверг и это искушение. Ибо поклонение царю земному есть измена царю небесному. У Христа был иной ранг: Богу – богово, кесарю – кесарево.

Христианство исходит из этической равноценности всех людей, из их равенства пред Богом. Оно утверждает: человек не должен превращать другого человека лишь в средство. Вот почему Алеша Карамазов говорит брату: "Инквизитор твой не верует в Бога, вот и весь его секрет".

Ф. М. Достоевский предупреждает о том, что "князь мира сего" будет приходить под ликом добра и для устройства "счастья" человеческого. Он предложит обязательно "гуманизм", т. е. религию человека, человекобожие; хлеб земной поставит выше хлеба небесного, человека - выше Бога, счастье - выше свободы. Ф. М. Достоевский пронизательно разглядел за атеистической прелестной гуманистической фразеологией древние искушения злого духа пустыни. Он предвидел судороги народа от тех реальных революций, которые последуют за революциями в голове - отрекаемся от Бога и провозглашаем себя богом. Бунтуют против Бога, как отметил Н. А. Бердяев, рабы Божии. Дети Божии любят Бога. Рабская психология способна понять отношение к Богу лишь как подчинение, ибо она внутренне не свободна.

Безбожие, отмечал русский мыслитель И. А. Ильин, есть самая глупейшая затея. Ибо образ Божий есть образ абсолютного духовного совершенства. Дух совершенства благодатно питает души и культуру. Отрекаясь от абсолютного духа совершенства, человек начинает двигаться к противоположному полюсу - к ничтожному. Ничтожное соединяет в себе ложное, злое и безобразное. Оно ничтожит, уничтожает совершенное содержание и живет этим злым духом отрицания и гибели цветущих форм жизни. Дьявол и есть дух уничтожения. Он превращает души людей в бездуховные пустыни. Поэтому в Библии он толкуется как дух именно "пустыни".

"Легенда о Великом Инквизиторе" раскрывает "глубины сатанинские". Но их черная бездна невольно побуждает поднять духовное око к небу. И в сердце пробуждаются сами собой слова "Отче наш...". Творение Ф. М. Достоевского сообщает нам, живущим в конце XX в., духовную зоркость.